

УДК 81'366

**К УТОЧНЕНИЮ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ
ДИНАМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ РУССКОГО ЯЗЫКА
(<ПРОСТРАНСТВО> И <ВРЕМЯ> В ПОЭТИЧЕСКИХ
ТЕКСТАХ В.В. МАЯКОВСКОГО)¹**

© Владимир Георгиевич РУДЕЛЕВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов,
Российская Федерация, доктор филологических наук, профессор-консультант
кафедры русского языка, заслуженный работник высшей школы РФ,
член Союза российских писателей, e-mail: ifg06@mail.ru

© Ольга Алексеевна РУДЕЛЕВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов,
Российская Федерация, кандидат филологических наук, доцент кафедры общей
педагогике и образовательных технологий, e-mail: pimno_tgu@mail.ru

На основе текста поэмы «Во весь голос» В.В. Маяковского исследуются частеречные возможности выражения *пространства* и *времени* в русском языке.

Ключевые слова: оппозиция; корреляция; теоретико-информационный метод; части речи; поэтическая грамматика.

Настоящая статья является продолжением нескольких недавно опубликованных работ [1–3], в которых затрагивается частеречная проблематика – в связи с гипотезой о существовании *поэтических грамматик*, не отраженных в школьных учебниках и большинстве научных сочинений, претендующих на самые высокие ранги. Не можем не сослаться здесь, однако, и на некоторые более ранние работы с аналогичной проблематикой, выполненные в русле *Тамбовской лингвистической школы* [4–7], как и на самые

последние данные по поводу упомянутой школы [8, с. 11].

Что же касается теоретико-информационного метода, заимствованного нами из работ Н.С. Трубецкого [9] и представленного как аналог теоретико-информационной концепции К. Шеннона [10], то здесь следует указать на некоторые поправки, которые были внесены тамбовскими языковедами в теорию Н.С. Трубецкого. Во-первых, открытые великим русским ученым *нейтрализиции* были представлены как *неотъемлемые признаки* подлинных оппозиций, как их опознавательные знаки и как *единственные* признаки самих оппозиций; на этом основании, на-

---

¹ НИР выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки в 2013 г., проект № 6.3796.2001.

пример, у русской системы консонантов были «отняты» и «переданы» слогу такие признаки (якобы фонологические), как <твердость> и <мягкость>: упомянутые признаки были объявлены признаками слогов [11; 12]. Во-вторых, теория оппозиций и нейтрализаций была перенесена без какого-либо ущерба на содержательный материал, в частности, на теорию частей речи русского языка и на синтаксис [13–19]. В-третьих, нейтрализации оппозиций, возникающие вследствие увеличения скорости речи [20] и иных «искривлений пространства» (в виде слабых позиций и специфических стилей), должны непременно преодолеваются – благодаря действию корректирующих устройств. Если уподобить оппозиции Н.С. Трубецкого (1890–1938) параллельным прямым Н.И. Лобачевского (1792–1856) или А. Эйнштейна (1879–1955), то, пересекаясь друг с другом, они в конце концов в силу коррекции с необходимостью возвращаются в исходные состояния – иначе разрушается, деградирует система; параллельные прямые, в связи с нашими рассуждениями, изначально *не пересекаются*, точнее – они пересекаются, но – только позиционно, на время и на время же перестают быть параллелями, непременно возвращаясь в исходное, параллельное, состояние.

Но самое главное, что вносится нами в учение Н.С. Трубецкого об оппозициях и нейтрализациях, это открытие универсальной трехчленной оппозитивной модели:

$$\begin{array}{cc} \mathbf{a}^1 & \mathbf{a}^2 \\ [\mathbf{a} \rightarrow \mathbf{b} \leftarrow \mathbf{c}], \end{array}$$

в которой «крайние» оппозиты [a] и [c] составляют антонимическую (эквиполентную) оппозицию [a ↔ c], устойчивую к нейтрализациям, поскольку в действительности (в динамике) она состоит из двух привативных, нейтрализуемых (синонимических) оппозиций [a → b] и [b ← c], построенных на двух родственных (и, тем не менее, противоположных!) признаках $\mathbf{a}^1$ и $\mathbf{a}^2$. Указанные синонимические оппозиции имеют неодинаковую информационную силу и представляют разную синонимию: *сильную* и *слабую*. Сильная синонимическая оппозиция ([a → b]), построенная на менее устойчивом признаке $\mathbf{a}^1$, подвергается нейтрализации *раньше*, чем оппозиция [b ← c], построенная на признаке $\mathbf{a}^2$,

который оказывается более устойчивым, чем первый. Предполагается, что наименьшая устойчивость оппозиции является признаком ее наиболее важного, информационно значимого места в системе.

Универсальная оппозитивная структура описанного типа была открыта в 1978 г. [14] при изучении трехчленных структур, построенных по признаку <пола>: [мужчина → человек ← женщина], [гусак → гусь ← гусыня] и других, как правило, дефектных, с отсутствующим «левым» или «правым» элементом, иногда даже и тем и другим: [лис → лиса ← *], [* → волк ← волчица], [* → бабочка ← *] и т. д. Отсутствие одного из маркированных элементов трехчленной структуры дает возможность в особом рода текстах (например, сказках или баснях) создавать ситуативные структуры вроде: [Волк → * ← Лиса], [Журавль → * ← Лиса], [Муравей → * ← Стрекоза] или даже [Солнце → * ← Луна], как у К. Чуковского [7].

Подобное явление было открыто также при описании динамической системы частей речи, но – гораздо позже [15], а термин «динамическая система» был введен в обиход известным ученым-языковедом В.В. Колесовым еще в 1971 г. (см: [21]), конечно, в то время – применительно только к фонологическим, а не к содержательным языковым системам.

*

Динамическая модель частей речи русского языка является, как теперь уже ясно, по крайней мере трехмерной, построенной на трех релевантных признаках: **a**, **b**, **c**, каждый из которых выступает в двух вариантах: $\mathbf{a}^1/\mathbf{a}^2$, $\mathbf{b}^1/\mathbf{b}^2$, $\mathbf{c}^1/\mathbf{c}^2$. Признак **a** (в своих вариантах: $\mathbf{a}^1$, $\mathbf{a}^2$, имеющих значение <предикативности>, в первом случае – <процессуальной>, во втором – <качественной>) образует трехчленную универсальную структуру:

$$\begin{array}{cc} \mathbf{a}^1 & \mathbf{a}^2 \\ [\text{глагол} \rightarrow \text{субстантив} \leftarrow \text{качественно-} \\ \text{предикативное слово}], \end{array}$$

символически: [V → S ← A].

Качественно-предикативным словом, вслед за Н.В. Челобеевой (Сафоновой) [22], мы назовем то, что обычно именуют «прила-

гательным», – в силу того, что данная часть речи содержит в себе не только вторичные предикаты-атрибуты, но и первичные предикаты, подобные глаголам; т. н. *категория состояния*, замеченная Л.В. Щербой [23], – тот же обычный *качественный предикат* в своей наиболее естественной роли и форме. Попытка объединить качественно-предикативное слово и глагол в одну часть речи (ср.: [24]) не может считаться удачной, поскольку не учитывает огромное число моментов, характеризующих прилагательное, в отличие от глаголов (ср. ту же категорию *сравнительной степени*) или, но это уже у глагола, – категорию *вида*.

По отношению к субстантиву как глагол, так и качественно-предикативное слово обнаруживают явную маркированность, которая проявляется в нейтрализации глагола и того же субстантива [25] и точно так же – качественно-предикативного слова и субстантива [22]; архиединицы в этом случае имеют вид (грамматическую форму) существительного и обычно принимаются за такое (ср.: *уход* – субстантивная форма глагола *уходить* и *красота* – субстантивная форма качественно-предикативного слова *красивый* (*быть красивым*). Видимо, следует ввести какой-нибудь термин для отличия субстантивной формы глагола или качественно-предикативного слова от подлинного субстантива, у которого нет ни одного положительного значения любого из частеречных признаков [3]; таким термином может быть вводимый в обиход нами теперь конструкт «субстантиноид» со значением *<все, что угодно, только не существительное!>*, хотя по форме – это самый настоящий субстантив. Разумеется, *качественно-предикативное слово* (вчерашнее «*прилагательное*») во всей совокупности его форм, включая *адъективную*, следует вывести из числа *имен*: имя в системе частей речи русского языка только одно – *существительное!*

*

Частеречный классификационный признак **b** (в вариантах **b¹** и **b²**) символизирует второе частеречное измерение и образует трехчленную универсальную оппозицию, членами которой оказываются: существительное (субстантив) – средний, гипериче-

ский, дважды немаркированный элемент, и – два маркированных элемента *наречного типа* с *<локальным>* и *<темпоральным>* значениями (символически – **L** и **T**):

$$\begin{array}{c} \mathbf{b}^1 \quad \mathbf{b}^2 \\ [\mathbf{L} \rightarrow \mathbf{S} \leftarrow \mathbf{T}] \end{array}$$

Исследования тамбовскими языковедами русских художественных текстов [3; 4] в плане частеречной проблематики привели к совершенно неожиданным выводам об *изначальной* нейтрализации локальных наречий, обозначающих *<пространственные фигуры>*, и существительных со значением *<точки в пространстве>* [3; 4; 26]. Сравним уже неоднократно приводимые примеры противопоставленности формального субстантива (в действительности «локального наречия») с явным *пространственным* значением и настоящего, во всех отношениях, существительного со значением *точки в пространстве*:

Она, как озеро, лежала.

Стояли очи, как вода.

И не ему принадлежала –

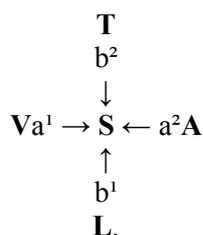
как просека или звезда.

(А. Вознесенский. «Бьют женщину»)

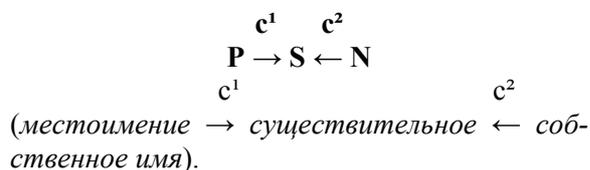
Перед нами – явный фрагмент языкового поэтического видения Мира, *поэтической грамматики*, бесконечно далекой от школьных «договоров» насчет неперемной *<предметности>* всякого существительного (и т. н. значений: *<опредмеченного действия>*, *<опредмеченного пространства>* и т. п.), а также мифов об «аморфности» наречий. Слово *просека* в тексте, как теперь уже многие считают, гениального поэта и, как мы полагаем, великого стихийного грамматиста нашего времени А. Вознесенского – несомненное наречие места (**L**) – в постоянной форме субстантива. К выражению *на просеке* (предл. пад. якобы существительного *просека*) возможен только наречный вопрос «где?», но не «на чем?» (см.: [27]); никакие «учебно-исследовательские» вопросы типа «на чем?» в данном случае в естественной речи, полагаем, неуместны! И в грамматике русского языка, школьной и всякой иной, они тоже не должны иметь места [28].

Подробнее локальные и темпоральные наречия и все иные способы выражения *<пространства>* и *<времени>* в русском

языке будут представлены в непосредственном анализе поэтических текстов В. Маяковского. А пока что мы демонстрируем взаимодействие в частеречном русском пространстве двух оппозитивных «осей»: трехчастной оппозиции, построенной на основе признака *a* (в его двух вариантах: *a*¹ <процессуальная предикативность> и *a*² <качественная предикативность>), и такой же трехчастной оппозиции, построенной на основе признака *b* (также в двух вариантах: *b*¹ <локальность> и *b*² <темпоральность>):

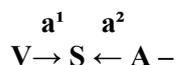

Возникла возможность разместить установленные частеречные оппозиции всего лишь в двух пространственных измерениях, Третье измерение посредством признака *c* (в двух его вариантах: *c*¹ и *c*²) мы резервируем еще для одной трехчастной оппозиции:

Числительному в трехмерной частеречной модели места не находится: для этой загадочной части речи придется использовать четвертое измерение и четвертый признак *d* (в двух его вариантах: *d*¹ и *d*²). Но это выходит за рамки нашей работы и нуждается в особом рассуждении и исследовании языкового материала. Сравним, однако, идеи многомерного пространства – более, чем трехмерного, у советского конструктора самолетов и теоретического физика Р. Баргини (1897–1974).

Однако здесь мы обязаны представить вариант трехчленной оппозиции:

с изменением мест элементов *S* и *A*:

*a*¹ *a*²
 $\text{V} \rightarrow \text{A} \leftarrow \text{S}$), констатируя факультативные нейтрализации $\text{V}:\text{A}$ и $\text{S}:\text{A}$ во вторичных предикативных (атрибутивных) позициях, в которых глаголы смешиваются с качественно-предикативными словами, образуя т. н. причастные и деепричастные формы (и те и другие по семантике – <процессуальные> слова, причем причастия – принадлежность только письменной речи); в тех же позициях существительные неожиданно смешиваются с качественно-предикативными словами, образуя адъективные формы (кстати говоря – только формы, а не самостоятельные лексемы) типа: *серебряная (ложка)*, *лисья (нора)*. Взаимодействие адъективных форм субстантивов с аналогичными формами качественно-предикативных слов составляет замечательный резерв средств создания поэтических фигур (поэтам) в русской поэзии [3; 7; 29].

*

Переходя к непосредственному исследованию поэтического текста В.В. Маяковского, по всей видимости, последнего в его жизни или, по крайней мере, одного из последних [30; 31], считаем возможным надеяться на то, что это исследование будет носить несомненный герменевтический характер – с опорой на те данные о *поэтических грамматиках*, которые представлены выше. Поскольку <Пространство> и <Время> отражаются в традиционных грамматиках в разделах, посвященных наречиям, а эти разделы обычно написаны хуже всех иных разделов, читатели могут представить, в каком трудном и даже опасном положении окажемся мы со своими нестандартными рассуждениями и доказательствами (см.: [26; 32]).

Наиболее трудным моментом в данном случае станет рассуждение о начальной форме наречных слов, содержанием которых является <Пространство> и <Время>. Наше «покорение» названных категорий начинается с преодоления догмы об *аморфности* наречия. В наречных словах *домой*, *дома*, отвечающих на вопросы *куда?* *где?*, следует находить окончания: *-ой* и *-а*, как в аналогичных формах: *дом-#*, *на дом-у*. Наречное слово *дом*², таким образом, в некоторой степени омонимично субстантивному слову *дом*¹ (*дом-#*, *до'м-а*¹, *до'м-у*¹, *до'м-ом*¹, *на до'м-е*¹;

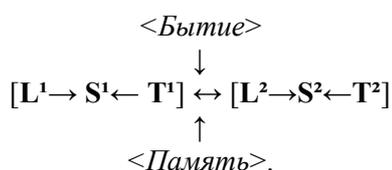
дом-а¹, дом-о'в¹, дом-а'ми¹, о дом-а'х¹). Оба выявленных слова (наречное – дом² и его субстантивный коррелят дом¹), несомненно, должны подаваться в словарях двумя отдельными статьями – с упоминанием нейтрализации наречия дом² и существительного дом¹ в самом исходе обоих указанных лексем.

Сравним еще подобные слова: дуб¹ (у Пушкина: «У лукоморья дуб зеленый / Златая цепь на дубе том») и дуб² («На дубу зеленом / два сокола ясных / вели разговоры...»). Пушкинский дуб¹ – несомненное существительное (<точка в пространстве>; последнее (<пространство>) названо словом лукоморье. В процитированном фрагменте песни о дубе зеленом слово дуб¹ становится само <пространством> и «превращается» в локальное наречие дуб² (видимо, имеет место открытое В.М. Марковым семантическое словообразование [33]).

В темпоральных словах: днем², весной², безусловно, наречных, также (тем более!) следует находить окончания, как и в производящих данные наречия субстантивах: ден-ь² и ден-ь¹, дн-ем² (когда?) и днем¹ (чем?) и т. д., весн-ой² (когда) и весн-ой¹ (чем?) и т. п.

*

Что же касается постулируемой нами частеречной модели в ее наречном (локально-темпоральном) участке ([L¹ → S¹ ← T¹] и [L² → S² ← T²]) – для отражения <Настоящего>, в котором живет поэт Маяковский, и <Будущего>, в которое обращена поэма «Во весь голос», то оба варианта нашей модели могут быть объединены конструктом <Бытие>, а оператором такого объединения, несомненно, окажется то, что мы называем словом Память:

Каждый из фрагментов <Бытия> (<Бытие¹> и <Бытие²>) в поэме Маяковского «Во весь голос» заполнен ярким лексическим материалом, имеющим огромную информационную значимость. Рассмотрим лексический

материал, сосредоточенный в «левом» крыле нашей модели <Бытие¹>.

<Пространство> Маяковского дискретно: оно составлено несколькими фрагментами, представляющими смысл и цель жизни Поэта. Видимо, главным таким фрагментом является <Поэзия>. Поэт, однако, заявляет, что он из этого <Пространства> – вышел:

Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией
мобилизованный и признанный,
ушел на фронт
из барских садоводств
поэзии –
бабы капризной...

Альтернативой <пространства>, именуемого Поэзией, оказывается <пространство> Фронт. Но, конечно, со старым <пространством> Поэт связь не разрывает: он не вообще уходит из Поэзии, он уходит из барских садоводств, из поэзии прошлого; там, с точки зрения Маяковского, остаются «кудреватые Митрейки» и «мудреватые Кудрейки». И – даже процитированный им поэт И. Сельвинский [30, с. 449] («Тара-тина, тара-тина, т-эн-н...»). Поэзия в духе «тара-тина» кажется Маяковскому недостойной его <Времени>:

Неважная честь,
чтоб из этаких роз
мои изваяния высились
по скверам,
где харкает туберкулез,
где б... с хулиганом
да сифилис...

Вот какие открыл Поэт неприглядные <пространства>! Даже слово с самого дна нижайшего стиля не убоился употребить (в издании поэмы его подали одной буквой с тремя точками). Эти <пространства> Маяковскому, несомненно, отвратительны. Но ведь они – есть! И в наше <Время> что-то похожее может быть, а уж слово-то, маркирующее подобные <просторы>, в какой-то странной эвфемистической форме (блин!) употребляется и детьми, и взрослыми, даже учителями, и является наиболее частотным междометием. Борьба с этим междометием стало невозможно и бесполезно!

занного слова – <лошадиный помет> (корень **gou-* якобы представлен в слове *говядина*). Вариант корня **gou-* – корень **gi-* (с кратким *и) в слове *гной* (др.-русс. *гънои*). В книге «Три века русской поэзии» ([31]) слово на «г» с тремя точками заменили словом *дерьмо*, и – исчезла рифма, а для поэта Маяковского рифма – вовсе не последнее дело в стихотворении. В общем-то нет никаких оснований бояться или стесняться слова, коим назван культурный слой XX в. (до этой неприглядной субстанции редуцировалась материя <Времени> и <Пространства> поэта Маяковского), потому что названное иным способом (*наших дней потемки*) все это представлено менее грубо, менее сниженно, но еще более *грустно* и *незавидно*. Интересно другое: <Время> Поэта видится и слышится, хотя и дискретно, но уж очень монотонно, *несобытийно*. Но ведь это только начало выступления Поэта, это еще – не «*Во весь голос!*».

Поэт полагает, однако, что в числе находок-артефактов или в каких-либо анналах будет обнаружено что-то интересное и о нем самом, он ведь не какая-нибудь малая *точка* в бескрайнем <Временном Пространстве>, он хорошо отметил собой свое <Время>, и кто-то где-то в <Будущем> его непременно вспомнит, хотя на него будут и непрменные запреты, вроде тех же точек возле буквы «г» или еще хуже – возле буквы «б»; возникнут дискуссии, споры, понадобятся компетентные вмешательства выдающихся знатоков среди исследователей древнего культурного слоя:

И, возможно, скажет
ваш ученый,
кря эрудицией
вопросов рой,
что жил-де такой
певец кипяченой
и ярый враг воды сырой...

Ученый-эрудит действительно нужен, чтобы разобраться хотя бы в хаосе приведенной только что косноязычной фразы (кто ее сделал столь косноязычной, не ясно!). В словосочетании «*певец* (<*апологет*>) *кипяченой воды*» опущена последняя словоформа (*воды*): такая словоформа ведь есть – в сочетании с прилагательным (эпитетом) *сырой*. Для экономии одно употребление слова *вода*, думают, видимо, издатели Маяковского,

можно выбросить! Так и возникает косноязычие! Но что было бы, если бы мы каким-то образом восстановили эту опущенную словоформу? Тогда бы невольно вспомнились бочка с кипяченой водой и крышка над нею с замком, а еще – алюминиевая кружка на массивной цепи. Как этого всего мало для великого поэта! Этого будет мало даже тогда, когда мы представим себе *кипяченую воду* поэта, чуть ли не дистиллированную, как у Л. Мартынова («*Вода благоволила литься...*»), в виде символа разрешенной в XX в. в СССР поэзии социалистического реализма, уже почти забытого и заброшенного в XXI в., замененного – «Выбором» (ср.: [35]). Гораздо целесообразней и интересней прочитать эти строчки так, как они воспринимаются на слух: «*...что жил-де такой певец *кипяченый* / и ярый враг *воды сырой*». В этом случае Поэт – враг всякого *несовершенства* и *слабости* («*сырой воды*») окружающей его поэзии и активный участник Поэзии – новаторской, передовой. Если это *социалистический реализм*, то он должен мыслиться в самой истинной его, первоначальной форме, ярче всего, как нам кажется, представленной в романе «*Как закалялась сталь*» Н. Островского. Надежным признаком такого реализма является образ *Героя* (в данном случае, конечно, – *Павла Корчагина*) – некоего подобия Рыцаря Печального Образа Мигеля Сервантеса (1547–1616). В русской литературе XII в., очень далекой от соцреализма, таковым был представленный в «*Песне о походе князя Игоря*» главный герой этого великого произведения – северский князь Игорь Святославич, возмечтавший вернуть в лоно русских городов древний русский порт Тмутаракань Азовскую ([36]). «Песнь о походе Игоря» была создана безвестным автором [37] за несколько веков до великого романа М. Сервантеса, которому было в мировой литературе немало повторений (ср., например, «Сирано де Бержерак» Э. Ростана), но выше «Хитроумного идадьго Дон Кихота Ламанчского» (1605–1615) ничего в человеческой литературе не было. Выше было только «Евангелие», но это уже Творение Бога.

Между тем в лучшей книге, написанной в духе социалистического реализма Н. Островского (1904–1936), главный герой Павел Корчагин – явный Дон Кихот Ламанчский, хотя он живет, в отличие от своего предше-

ственника, не в *<Прошлом>*, думая, что оно – не прошло, а в самом реальном, *<Настоящем>*, *<Революционном>*. Выше Корчагина в советской литературе героя не было и даже представить таковых было невозможно. В самой же книге «Как закалялась сталь» (1932–1936) у Корчагина были прекрасные соратники: что стоит хотя бы его революционный учитель Жухрай! Но даже этот безупречный герой *<Революции>* до своего ученика, спасшего его в свое время от расстрела петлюровцами, немного недотягивал (вспомним эпизод, когда на строительстве узкоколейки больному, обессиленному, в дырявых сапогах, Корчагину Жухрай обещает прислать новые сапоги, подобные тем, в которых он сам, а пока, на первый случай, – дарит маузер; Корчагин в подобных условиях поступил бы иначе: он отдал бы сапоги своему другу, а сам бы остался босым).

Маяковский (1893–1930) ушел из жизни немного раньше выхода в свет романа Н. Островского, но образ, подобный образу Павла Корчагина, в его сердце и уме, несомненно, существовал, и поэт соединял именно его со своим *Лирическим героем*. Видимо, это свое состояние Поэт и шифрует словом *кипяченый*, вкладывая в него смыслы, адекватные качествам того же Павла Корчагина: *<героизм>* и *<жертвенность>*, доходящие до самой высокой точки (до – *<кипения>*!); нам, допустим, это нравится, приводит в восторг, а кому-то, подобно Тоне Тумановой, первоначально, видимо, влюбленной в Корчагина, а потом охладевшей к нему, наблюдая, что героизм ее друга ничего ему не дал в жизни, ничуть его не возвысил, кажется *донкихотством* в самом сниженном значении этого прекрасного слова – в том значении, которое в действительности знаменует самые высокие человеческие качества. Только обладая этими качествами, человек из *<Прошлого>* может назваться *товарищем* людям *<Будущего>*, которые самые высокие моральные истины давно постигли, иначе их *<Пространство>*, как и их *<Время>* было бы вовсе не *<будущим>*, а *<давно-давно прошедшим>*, преодоленным Человечеством и чудом, может быть, забытыми островами, оставшимися в отдалении от *<настоящего>*.

Видимо, Профессор в велосипедоподобных очках, живя в «Коммунистическом Далеке», подобных истин не понимал, и это он

был, скорее всего, создателем косноязычной фразы о *воде кипяченой*. Велосипед в *<Будущем>*, которое представлял себе Маяковский в виде *Коммунизма*, был транспортом отсталым, архаическим, ненадежным. Отсюда – и желание Поэта самому рассказать о *<Времени и о себе>*.

*

Главное во *<Временном Пространстве>*, конечно, *<Событие>*. Маяковский это понимал, и таким *<Событием>* для него было то, что именовалось *Великой Октябрьской социалистической революцией*. Гениальный Блок в поэме «Двенадцать» прекрасно представил то же *<событие>* в виде беспощадной, озверевшей, больной (!) толпы; все субъекты блоковской толпы – люди с апостольскими именами: *Петруха, Андрюха, Ванька...* А впереди – несущий кровавый красный флаг Иисус Христос. Он должен был быть там, потому что *<приходит>* помогать не здоровым, почти святым, – кому-то вроде фарисеев, а больным (см. Ев. от Матфея: гл. XII, ст. 13: «*Не здоровые имеют нужду во врачах, но больные*» и дальше: «*Я пришел призвать не праведников, но грешных к покаянию*»).

Блок есть Блок, он – не соцреалист, и его нет в толпе *петрух, андрюх, ванек и катек*. А Маяковский – там, в этой толпе, потому и лексику употребляет, свойственную этой толпе (*говно*, а дальше – еще хуже: «б» с тремя точками).

«Я, – говорит Маяковский, ничуть не возвышаясь и, наверное, ничуть не прибедняясь, – как есть, так и говорит: *<ассенизатор и водовоз...>*» (см. выше).

Ассенизатор – это очевидная привязка к «сакральному» слову на букву «г». Далось оно, это слово, от которого устали карамзинисты-издатели (им бы вот нежное словечко *пичужечка*, как Н.М. Карамзину (1766–1826), их вдохновителю, но не слово *говно* или *парень* (второе – вызвало отвращение у их вдохновителя, а первое – у них самих). А вот – и слово *водовоз*, подчеркивающее некую причастность Поэта к *кипящей воде*. Но главное – даже не эти личностные слова. Главное – слово *Революция*. Это – событийное слово, которое до сих пор грамматисты не вырвут из класса субстантивов и не отда-

кой нашего исследования стала фраза: «*Мой стих дойдет через хребты веков...*». Эта фраза – вершина поэтического творчества В.В. Маяковского, наилучшая его *поэтема*. В ней, в этой фразе, слово *век* (мн. ч.: *века*, род. пад.: *веков*) – явное темпоральное наречие. Человек, не понимающий поэтического языка, не знающий *поэтической грамматики*, сказал бы, что эта фраза – неправильная: у *века* не может быть *хребта*, *хребты* бывают у *гор*, а *горы* – это признак особого <пространства>, т. е. слово *гора* (*горы*) – наречие, только *локальное*, а не темпоральное. Поэт Иосиф Бродский передал свое видение <пространства> и <времени> тем, что поставил второе выше первого: первое он отождествил с <вещью>, а второе с <мыслью о вещи> [39]. В поэтеме Маяковского у наречия места *гора* отнимается признак <материальности> и передается наречию времени *век*. Тем самым материализуется <мысль>: <Время> приближается к <Пространству> и становится, подобно <Пространству> неоднородным, не линией со стрелкой в одну сторону. *Поэтическая грамматика* расширяет просторы познания и становится его инструментом. Никакая иная грамматика, стремящаяся к *реализму* и преодолевающая *номинализм*, до сих пор подобных способностей не проявила (см.: [39, с. 13; 40]).

1. Руделев В.Г., Руделева О.А., Шарандин А.Л. Временная и видовая глагольные системы русского языка на службе русской поэзии (М. Лермонтов. «Бородино») // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2012. Вып. 2 (106). С. 94-103.
2. Руделев В.Г., Руделева О.А. Пушкинский эпитет // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2012. Вып. 8 (112). С. 211-217.
3. Руделев В.Г. «Шепот, робкое дыханье, трели соловья...» (к уточнению частеречной семантики субстантивного слова) // Сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора А.А. Кретьова. Воронеж, 2012. С. 244-253.
4. Руделева О.А. Существительное и его семантико-грамматические классы (на материале поэзии Андрея Вознесенского): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1991.
5. Подольская И.В. Языковые средства создания художественного образа (на материале по-

- этических текстов Евгения Харланова): монография. Тамбов, 2004.
6. Пискунова С.В. Тайны поэтической речи (грамматическая форма и семантика текста): монография. Тамбов, 2002.
  7. Зыонг Ван Чи. Типы склонения существительных и субстантивных форм в современном русском литературном языке (на материале текстов для детей К. Чуковского): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006.
  8. Бирюков С.Е. Эпоха Руделева. 80 лет со дня рождения профессора В.Г. Руделева // Вестник Тамбовского центра краеведения. Провинциальные записки. № 1. Тамбов; Москва; С.-Петербург; Баку; Вена; Гамбург, 2012. № 23.
  9. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960.
  10. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике / пер. с англ. М., 1963.
  11. Руделев В.Г., Пискунова С.В. Русские консонанты // Фонология: сборник научных работ. Тамбов, 1982. С. 166-170.
  12. Лаптева Е.В. Фонологическая категория «мягкость – твердость» в русском литературном языке (современное состояние и ретроспективный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2002.
  13. Дрияева О.А., Каменская Н.В., Руделева О.А. Фонологические методы, их универсальность и применение за пределами фонологии // Исследования по русской фонологии: сборник научных работ. Тамбов, 1987. С. 147-162.
  14. Шарандин А.Л., Горват Г.Ф. Семантико-грамматические оппозиции по признаку *пола* // Семантика и грамматика: сборник статей. Тамбов, 1978. С. 25-30.
  15. Руделев В.Г. Динамическая теория частей речи русского языка // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 1996. Вып. 1. С. 83-89.
  16. Шарандин А.Л. Оппозитивные отношения в системе знания // Когнитивные исследования языка. Вып. 3. Типы знаний и проблемы их классификации. Тамбов, 2008. С. 75-89.
  17. Руделев В.Г. Русский язык: Учение о предложении. Тамбов, 1992.
  18. Цыпин О.А. Типология предикатов в русском языке (на материале драматических текстов Александра Вампилова) / предисл. В.Г. Руделева. Тамбов, 2002.
  19. Руделев В.Г., Руделева О.А. Вначале было слово (Популярная лингвистическая теория для учеников национальных школ. V–VII кл.). Тамбов, 1995.
  20. Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда // Сборник отделения русского языка и словесности Им-

- ператорской Академии наук. Спб., 1907. Т. 83. № 4.
21. Руделев В.Г. Типология и история русских вокалических систем: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1971.
  22. Челобеева (Сафонова) Н.В. Семантико-грамматические признаки качественно-предикативных слов в говорах Тамбовской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988.
  23. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1957. С. 77-100.
  24. Сепир Э. Язык: пер. с англ. Москва; Ленинград, 1934.
  25. Егорова Е.Н. Девербативы как субстантивная форма глагола: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009.
  26. Руделева О.А., Руделев В.Г. Существительное и наречие (на материале русского языка) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. С. 17-29.
  27. Руднева Н.И. Статус вопросительных местоимений (на материале драматических произведений Александра Вампилова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 1998.
  28. Руднева Н.И., Руделев В.Г. Вопросительные действительные слова и суррогатные вопросы-определители // Державинские чтения. Филология: материалы научной конференции преподавателей и аспирантов. Февраль 1998. Тамбов, 1998. С. 39-40.
  29. Серебренникова Н.Г. Механизм эпитета (на материале поэтических текстов К. Бальмонта): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2002.
  30. Маяковский В. Во весь голос. Первое выступление к поэме // Владимир Маяковский. Собрание сочинений: в 12 т. М., 1978. Т. 6. С. 175-182.
  31. Банников И.В. (сост.). Три века русской поэзии. М., 1979.
  32. Руделев В.Г., Руделева О.А. Заметки о подаче слов (лексем) в толковом словаре // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2012. № 4. С. 84-94.
  33. Марков В.М. О семантическом способе словообразования. Ижевск, 1981.
  34. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1986.
  35. Полякова Л.В. Выбор: Страницы литературно-краеведческой критики. Тамбов, 1996.
  36. Руделев В.Г. Смысл и цель Половецкого похода северского князя Игоря Святославича в 1185 году // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 8 (100). С. 180-193.
  37. Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб., 1995.
  38. Прокушев Ю.Л. Эпос Сергея Есенина (послеловие) // Есенин С.А. Собрание сочинений: в 6 т. 1978. Т. 3. С. 242-265.
  39. Ильенко С.Г. На пути к лингвистическому реализму // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2012. Вып. 10 (114).
  40. Колесов. Реализм и номинализм в русской философии языка. СПб., 2007.

Поступила в редакцию 15.10.2012 г.

UDC 81'366

ON SPECIFICATION OF SOME STATES ABOUT DYNAMIC THEORY OF PARTS OF SPEECH OF RUSSIAN LANGUAGE (SPACE AND TIME IN POETIC TEXTS OF V.V. MAYAKOVSKY)

Vladimir Georgiyevich RUDELEV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Russian Language Department, Doctor of Philology, Professor-Consultant, Honored Worker of High School of RF, Member of Russian Writers Union, e-mail: ifg06@mail.ru

Olga Alekseyevna RUDELEVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, General Pedagogics and Educational Technologies Department, Candidate of Philology, Associate Professor, e-mail: pimno_tgu@mail.ru

On base of poem's text "Vo ves golos" by V.V. Mayakovsky the parts of speech's possibilities of interpretation of *space* and *time* in Russian language are researched.

Key words: opposition; correlation; theoretical and information method; parts of speech; poetical grammar.